

Стенограмма
Совещания при директоре ГПБ от 9 апреля 1937 г.

Присутствовали: т. т. Вольпер, Басов, Аникин, Меритц, Маркетти, Меженко, Зельцле, Якобсон, Якоб, Орловская, Иоффе, Брискман, Гребенщикова, Пигулевская

И. А. Меритц: Прежде чем я начну докладывать о работе IV отделения, я должна сделать два маленьких замечания. Первое – ввиду недостаточного знания русского языка в моем докладе могут быть неточные формулировки и второе – когда я буду говорить о работе IV отделения на 1937 г., то надо иметь в виду, что мы еще не имеем утвержденного дирекцией плана.

В 1937 г. мы начали работу в IV отделении в значительно изменившихся условиях. Эти изменения должны в будущем отразиться на нашей работе как в качественном, так и количественном отношении.

Возьмем нашу основную работу – обслуживание, которое нами проводится по двум линиям – по линии индивидуального абонемента и по линии читального зала. В обслуживании читателей по линии индивидуального абонемента в этом году произошли такие важные изменения, как переход на 8-часовой день вместо 6-часового в 1936 г. и отмена платности абонемента, что, как я уже сказала, должно отразиться на нашей будущей работе.

Если мы возьмем переход на 8-часовую работу, то это, прежде всего, надо рассматривать как улучшение качества обслуживания читателей, потому что помещение IV отделения очень маленькое, в особенности отдел выдачи книг на дом. Там собирались большие очереди, негде было стоять и было много жалоб читателей. Теперь же, когда мы стали работать 8 часов, это положение значительно улучшилось в том смысле, что в самый разгар от 4–8 часов, когда бывает больше всего народа, стало больше работников – работают 4 человека. Теперь у нас очередей уже нет, но т. к. мы перешли на 8-часовую работу только с 28 марта, то особых результатов в смысле количественного роста читателей я сейчас констатировать не могу.

Второе изменение, которое мы там провели, – это отмена платности абонемента. Это как будто бы сперва звучит громко, но я считаю, что это культурное достижение в смысле улучшения качества обслуживания читателей, потому что такой важный фактор, как книга, должен быть доступным, и никаких денежных преград не должно быть. Хотя плата была очень маленькой, всего 2 руб. в месяц, при этом был целый ряд категорий [читателей], которые были освобождены от платы, как рабочие, учащиеся, но все-таки эта отмена была большим достижением в смысле культурного обслуживания читателя. Так как мы отменили плату с 1 января, то можно констатировать какой-то прирост читателей по сравнению с 1-м кварталом прошлого года, а именно на 10 %.

Говоря о работе по индивидуальному абонементу, я должна внести такие предложения нашей дирекции: первый момент всем известен, что нужно

добиться более подходящего помещения, потому что существующее слишком маленькое, и второе – необходимо серьезно пересмотреть вопрос о расширении контингента книг и языков. В этом отделении мы имеем сейчас около 25 000 томов, но это старые книги, только на трех языках – французском, английском и немецком, очень мало испанских и итальянских книг и больше ничего. Если мы хотим иметь рост читателей, то мы должны иметь литературу на языках наших ближайших соседей. Сейчас об увеличении разговоров не может быть, потому что у нас сейчас до того тесно, что почти невозможно работать, но в ближайшее время, если будет урегулирован вопрос с помещением, надо пересмотреть вопрос о расширении этого отдела.

Вторая линия нашего обслуживания – это обслуживание читателей в читальном зале. Тут тоже в этом году произошли значительные изменения в том отношении, что мы стали работать 8 часов вместо 5 и что была значительно сокращена периодика, что тоже отразилось на нашей работе. Переход на 8-часовую работу в читальном зале был необходим, потому что при том количестве периодики, которую мы получали в прошлом году, читальный зал был переполнен, а также и первая комната была полна. Этот переход надо рассматривать как качественное улучшение обслуживания читателя. Второе же изменение, которое там произошло, – сокращение периодики, в первое время очень отразилось на нашей работе.

Если мы посмотрим статистику, то увидим, что в течение 10-летнего существования читального зала там образовалась особая группа читателей – журналистов, издательских работников, переводчиков и большой процент обыкновенных читателей, которые систематически ходили читать периодику. Теперь же куда-то исчезло 200 человек и образовалась совсем новая группа читателей, состоящая из педагогов и учащихся, потому что возрос спрос на учебники и методические пособия, которых даже у нас нет. С одной стороны, надо приветствовать, что к нам пришел совсем новый читатель, но если близко присмотреться, то окажется, что это не особенно большой плюс в том смысле, что большой запас литературы, который там имеется, остается неиспользованным, т. к. новый читатель требует или учебники, или узкий контингент книг, который предусмотрен по учебному плану.

В течение того времени, которое я там работаю, я наблюдала очень характерное явление, что у нас очень мало читателей, которые читают художественную литературу в читальном зале. Я даже не знаю, какие принять меры, чтобы научить людей дисциплинированно читать книги, потому что люди любят читать художественную литературу только в трамвае, очереди и т. д. Я приведу один конкретный пример. К нам часто приходит один американский рабочий, который требует новую американскую литературу – когда я ему объяснила, что мы ее на дом не даем и надо читать в читальном зале, то он стал умолять ему выдать, так как в другом месте, кроме кровати, он читать не может. Таких людей, которые читают от нечего делать, очень мало и поэтому в нашем читальном зале были читатели, которые читали главным образом пе-

риодику. Теперь же, когда этой периодики нет, то естественно, что читаемость упала.

В прошлом году из 100 названий периодики нам сократили 32 %, т. е. мы получаем только 68 названий, и когда стали работать 8 часов, то все виды нашей работы увеличились на 10 %, кроме читального зала, где посещаемость оставили прошлогодней, т. к. предусмотрели, что здесь будет снижение читаемости и будет хорошо, если добьемся прошлогодней цифры.

Я должна сказать, что вместо сокращенной иностранной периодики нам дали возможность выписывать советскую периодику на иностранных языках, но эту периодику пока, к сожалению, совсем не спрашивают, потому что ее проще достать в киоске.

Я хочу отметить еще один момент. Когда сокращали периодику, то, по моему, сокращение не было сделано принципиально и вдумчиво. Я не буду говорить о необходимости держать такую политическую газету, как орган крупной буржуазии ... или «Таймс», но буду говорить о журналах. Мы выписывали целый ряд иллюстрированных журналов, но эти иллюстрированные журналы по своему внутреннему содержанию, по своему направлению – все одинаковые: одни менее пошлые, а другие более пошлые и если поставить принцип, что эти журналы не надо держать, то надо было бы сократить все. А получилось так – что некоторые журналы сократили, а дали другие, которые по своему содержанию ничем не лучше сокращенных. Вот более характерный пример: из французских литературных журналов мы выписывали «Commune», «Europe» и «Nouvelle Revue Française», и последний из них является самым консервативным; этот журнал оставили и сократили «Europe», который рекомендует наша советская иностранная литература, причем во главе этой редакции стоит такой писатель, как Ж. Кассу.

По линии обслуживания читателей нами по плану предусмотрена еще следующая маленькая работа – организация 10–12 маленьких выставок. Маленьких – потому что у нас место настолько ограниченное, что больших выставок организовать мы не можем. Эти выставки будут посвящены разным юбилейным датам, а также будут знакомить читателей с новыми поступлениями и т. д.

Нами ведется еще консультационно-справочная работа; в прошлом году было выдано свыше 2000 справок, а в этом году предусмотрено 2500 справок. Это все, что можно сказать об обслуживании.

Теперь относительно комплектования. Комплектование нашего Отделения проходит путем покупки на валюту за границей и покупки книг на месте. На совещании, когда состоялся доклад заведующего Сектором комплектования и информация Книжной Палаты, я уже говорила о тех трудностях, которые мы встречаем в смысле комплектования нашего Отдела. Из заграницы мы сейчас выписываем только английские, американские и французские книги. Немецкие книги почти совсем не выписываем. В эмигрантских издательствах, которые раньше выпускали литературу, почти ничего не выходит. Нам нужно

найти новые источники и новые установки, как комплектовать наше Отделение в смысле выписки иностранной литературы на валюту.

Мы встречаем также затруднения при покупке книг на месте в антикварных магазинах и у частных лиц, т. к. статистика показывает, что запасы книг суживаются и у нас не остается особенных источников, где можно было бы покупать.

Нам надо усилить наш фонд и в особенности отдел выдачи на дом, и тут у меня имеются два предложения.

Первое – когда я слушала доклад Книжной Палаты, то я узнала, что там есть очень много иностранных книг, в особенности, на немецком, французском и английском языках, о которых мы не знаем. Мы их ищем, находимся в затруднении, а одновременно другое наше Отделение продает их посторонним лицам. Здесь говорили, что наше Отделение комплектовано из этих книг – это неверно, потому что если и комплектовалось, то 18 лет тому назад, а с тех пор книги переменялись и возможно, что там мы найдем много книг. Я вношу предложение, чтобы Дирекция этот вопрос урегулировала.

Второе предложение – я говорила, что нам нужно найти нового читателя. Если бы речь шла о читателе русской книги, то нового читателя можно было бы найти через сутки, но наше отделение имеет ту специфику, то оно ограничено знанием иностранных языков, и в Ленинграде не столько людей, которые могли бы читать иностранную художественную литературу, и поэтому нам надо найти читателя, который знает другие языки, – польский, финский, эстонский и т. п. У меня такое предложение: если дирекция считает, что художественная литература, которая издается издательством иностранных рабочих, является художественной литературой и наше отделение является таким местом, где должна находиться эта литература, то необходимо нам давать обязательный экземпляр, а если он идет в Отдел национальностей, то надо установить принцип, чтобы мы могли закупать эту литературу, потому что на приобретение у нас есть средства, а пополнять наши фонды мы должны.

Еще одна работа, которая нами проводится, – это обработка книг. Это самый большой наш участок в том смысле, что мы зависим от Сектора комплектования и от Хозяйственной части. В этом году нами по плану предусмотрено обработать 2000 новых книг, 4000 периодики и 1000 из старых фондов. У нас имеются старые, необработанные книги – около 3500–4000 экземпляров. Но если не будет стеллажей, тогда мы это задание не выполним и останемся опять в прорыве, как и в прошлом году. В прошлом году мы не имели стеллажей и эту работу выполнили только на 78 %. Я заранее говорю, что эти книги мы не сможем обработать, если не будет стеллажей. Могу сказать, что можно частично обработать. Мы частично обрабатываем, но от этого нет никакой пользы, потому что они опять лежат в груди и выдавать их не можем.

Еще несколько слов о нашей внутренней работе, т. е. научной работе. Научная работа у нас ведется следующая: мы ведем разные каталоги, такие как каталог Personalia, который пользуется большим успехом, затем рекомендательный каталог, каталог иллюстраций и т. д. Мы предусмотрели по плану со-

ставление нового отдела, посвященного Горькому. Задача заключается в том, чтобы выявить все книги, которые переведены на иностранные языки, и что пишут в иностранных сборниках о Горьком. Эта работа нами проводится, но она требует определенной суммы валюты, которую не знаем, получим или нет, – но что в наших возможностях, мы сделаем.

Рекомендательный каталог нам очень нужен, и он нами ведется, потому что при наших кадрах, когда у нас нет таких работников, которые могут действительно рекомендовать книгу читателю (а если есть, то очень мало), рекомендательный каталог должен оказать очень большую помощь и нашим сотрудникам, и нашим читателям. Рекомендательный каталог начали вести в прошлом году, но его вела сотрудница, которую не проверяли, и когда в этом году его начали просматривать, то пришлось изъять почти 50 % карточек. Сейчас эта работа ведется при моем непосредственном участии и наблюдении.

Затем нами предусмотрен в этом году еще совсем новый вид работы, которая должна помочь нашим кадрам и читателям, т. е. ведение аннотаций и предметизации новейшей западноевропейской литературы. Возникла эта мысль таким образом: в скандинавских странах в публичных библиотеках ведутся такие каталоги, и если вам нужно знать, что писали, например, о Кромвеле, то требуется только позвонить туда по телефону и через два часа вы узнаете, что в таких-то книгах вы можете найти интересующий вас вопрос. Нам также это необходимо, потому что часто приходит читатели и спрашивают: «дайте нам художественную литературу, в которой пишут о безработице, о жизни молодежи, о колониальном вопросе и т. д.» Эту работу мы предусмотрели и хотим ее вести, но надо заранее сказать, что эта работа очень скользкая в том смысле, что нужны кадры, которые могли бы дать марксистскую оценку книги, и не каждому это удастся сделать. Придется очень строго наблюдать за этой работой, но это не значит, что если трудно, то вообще не будем делать. Мы постараемся попробовать ее сделать.

Еще вид научной работы, которую ведет т. Маркетти, – выявление переводов русских авторов. Мы всегда искали русских авторов под их фамилией, а когда мы стали просматривать сборники и альманахи, которые часто издаются под фамилией переводчика или лица, который их составлял, то находили там целый ряд переводов наших русских писателей, о которых мы совсем и не слышали.

Еще несколько слов о кадрах. Если мы подходим к кадрам так, как требует наша партия и правительство, – что библиотекарь должен быть всесторонне культурным человеком и образованным марксистом, то таких людей у нас нет. У нас еще затруднение в том, что наши работники должны знать иностранные языки. Когда урегулировался вопрос с зарплатой, у нас положение улучшилось, но все же в качественном отношении у нас кадры стоят на очень низком уровне и придется за их работой очень следить и им помогать.

Ответы на вопросы

Поступления за 1936 год: покупка за границей – 229 монографий, обязательный экземпляр – 582, внутренняя покупка: советские издания – 59 еди-

ниц и покупка на месте 1413 единиц, поступление из ГПБ – 15 экз. и подарки – 27 томов.

Все справки мы даем устного порядка, письменных не даем. Справки такого характера – где пишут о таком-то писателе, где можно найти рецензию и т. п. Справки мы даем на основании наших карточек и справочников.

Мы имеем большое количество переводной литературы на русском языке; она находится в читальном зале и используется она только читателями, которым трудно читать книгу в оригинале, – тогда они берут перевод и параллельно читают оригинал и перевод, или в том случае, когда нет оригинала.

При мне таких случаев не было, чтобы обращались в Сектор обработки за помощью. Мы почти автономны в том смысле, что сами обрабатываем книги, которые мы приобретаем, но те книги, которые идут через Сектор комплектования, частично обрабатываются.

У нас около 4000 необработанных книг, но мы считаем, что только около 1000 попадет в фонд.

С комплектованием дело обстоит так: мы составляем список необходимой нам литературы и передаем Сектору комплектования, и обычно издания получаем. Но бывают отдельные случаи, когда получаем книги, которые мы не выписывали, или чаще, что мы выписываем книги, но они попадают в другие отделы библиотеки, и мы их не получаем.

Б. С. Якаб: Я хочу остановиться на нескольких моментах. В 1936 г. контрольная цифра читателей была 5000, в этом году – 5500. Что показывает I квартал? Он показывает, что в прошлом году к I/IV [1 апреля] Отделение имело 2785 читателей, а в этом году первый квартал дал 2589 читателей – значит, уменьшение читателей на 200 человек. В 1936 г. на I/IV мы имели 24 589 посещений, а в этом году – 22 883 посещения – опять на 2000 посещений меньше. Число выданных единиц из библиотеки I/IV-1936 г. – 59 285 единиц, а в этом году – 55 747 единиц. Следовательно, у нас имеет место уменьшение читателей, посещений и выдачи.

Товарищи говорят, что это связано с тем, что мало выписываем периодики и был специальный читатель, который читал только этот фонд. Это возможно, но я ставлю так вопрос – нужен ли этот читатель или нет? Потому что старая установка этого Отделения (и она до сих пор существует) была на читателя-учащегося, а читатель-учащийся, по моим сведениям, вообще уменьшился: на I/IV п[рошлого] г[ода] было 33 % учащихся от общего числа читателей, а в этом году учащихся – 29 %. Научных работников, которых в прошлом году было на I/IV, – 6,2 %; в этом году – 4,1 %. Служащих, инженеров – 16 % было на I/IV-36 г., а в этом году их 36 %, но тут неясно, за счет кого произошло увеличение. Количество учащихся, правда, ненамного, но все же уменьшилось и тут я считаю, что тот читатель, которого Отделение должно привлечь в большей мере, еще недостаточно представлен.

Мне кажется, что последнее время массовая работа у вас не ведется – это первое, и второе – нет пропаганды вашей библиотеки. Вам надо обязательно начать пропаганду отделения, писать обращения в институты и т. п.

Я считаю положительным явлением углубленную работу с читателем. Это подтверждают такие цифры: в прошлом году читателям было дано 238 справок, а в этом году – 547, т. е. почти в два раза больше выданных справок читателям. В этом отношении, несомненно, играет роль то, что каталог «Персоналия» находится в ажуре, а также и то, что рекомендательный каталог выставлен для пользования читателей и им также пользуются и сотрудники, что дает определенные результаты.

В тяжелом положении находится Отделение из-за отсутствия места, и тут надо предпринять какие-то экстренные меры, потому что, как я видела, сейчас имеется только полтора шкафа свободного, и я не знаю, насколько времени хватит места, потому что, если в прошлом году было поступлений книг, примерно, 2000, а в этом году они считают необходимым комплектоваться финскими, эстонскими и др. книгами, то этот вопрос станет совершенно остро, – куда растёт Отделение? Есть некоторые внутренние возможности – кухня и маленькое отделение около кухни, которые уже освобождены и которые можно стеллажировать, но мне говорили сотрудники Отделения, что этот вопрос приостановлен, потому что все время идет речь, что Отделение переведут в другое место. Из-за этого вопрос приостановлен, а между тем это вопрос первоочередной важности.

В отделе выдачи есть положительные моменты за этот год. Расстановка в отделе выдачи, которая являлась очень слабым местом, упорядочена. Все книги каждый вечер расставляются на места. Есть каталог, которого в то время не имелось, отдельно по французским и немецким книгам, и каталог мемуаров. Мемуарный фонд тоже был не обработан и не был в пользовании – а их около 1500 книг и это очень интересный фонд. Еще плюс то, что в целях ускорения обслуживания читателя, выделен специальный сотрудник, который занимается продлением и получением возвращаемых книг – это значительно уменьшило очереди. Очень помогло также продление рабочего времени. Насколько это отразится в смысле количественного увеличения читателя, нельзя было установить, но, безусловно, будет улучшение качественного обслуживания. За счет удлинения времени будут уменьшены очереди.

Я хотела сказать относительно комплектования обязательным экземпляром, которое все время проводится в недостаточном количестве, т. к. недостаточно уточнено, что должно идти в IV Отделение. В 1936 г. Отделение получило 582 единицы по обязательному экземпляру – это явно не все. Выписка иностранная в этом году как будто удовлетворительная.

Мое общее заключение такое – дать стеллажи, места для них есть, ликвидировать залежи, чтобы Отделение могло полнее располагать тем местом, которое есть. С газетами что-то надо делать – или дать стеллажи, или вывезти. По линии увеличения состава читателей надо вести пропаганду Отделения, а также массовую работу. Та массовая работа, которая там велась, по-моему,

была неплохая, а также и то мероприятие, которое вы начали, – рассылка извещений.

В. А. Маркезетти: Я хотел только уточнить несколько положений по линии уменьшения читателей в читальном зале. Тов. Мериц с самого начала сказала, что у нас уменьшилось количество постоянных читателей, примерно на 200 человек. Это тот контингент читателей – экономисты, журналисты, которые в широком масштабе пользовались только периодикой. Выдача в читальном зале в прошлом году была, примерно, 30 % книг и 70 % периодических единиц. Конечно, это уменьшение связано с сокращением периодики и не только сокращением, но, к сожалению, [здесь сказывается] и то, что мы должны получать, и то не получаем, например, такую основную газету, как «Humanité» с 24 января не получаем, также и «Vendredi» не поступает.

Тов. Якаб указывала, что уменьшилось общее число ежедневных посещений за квартал на 3000 посещений. Надо принять во внимание то обстоятельство, что в прошлом году мы вели еще массовую работу – у нас были кружки; благодаря этим кружкам проходило не менее 300 человек в шестидневку. Была консультация по всем языкам – это тоже привлекало посетителей, и все же, несмотря на такие неблагоприятные показатели, у нас сравнительно достигается прошлогодняя цифра.

Что касается состава учащихся, то колебание на 4 % не есть окончательный показатель, и в течение года он меняется. Прирост учащихся получается обычно в конце года, т. е. когда начинается новый учебный год, появляются новые учащиеся и тогда у нас увеличивается количество учащихся. Сейчас учебный год идет к концу и новый контингент учащихся не приходит.

Относительно шкафов. Действительно, когда была т. Якаб, у нас был один шкаф и 2–3 полочки свободных, и нам приходилось очень туго – чем занимать эти шкафы: будут ли важные поступления и сохранить [их] для этого или занимать другим материалом. Ликвидировать старые залежи не приходилось, а сейчас мы сделали еще такую работу: у нас глубокие шкафы, и в такие шкафы мы ставили книги в три ряда. Но все-таки вопрос о стеллажах для нас самый существенный и по линии обработки, и по линии ликвидации старых залежей.

Что касается газет, то положение было такое. Шкафы были очень неподходящие, но все же были, и как-то эти газеты хранились в этих шкафах. Когда приступили к ремонту кухни, чтобы превратить ее помещение для книгохранилища, эти шкафы вывезли, и сейчас газеты лежат грудями на полу и выдавать их нельзя. Старые запасы – 1926–1933 г. – требуются в очень редких случаях, и было бы крайне желательно их совсем вывести и оставить у нас только текущий и 2–3 предыдущих года.

Б. Р. Зельцле: Все время говорят об Отделении как о самодовлеющей единице. Я хотел бы посмотреть на IV Отделение с точки зрения библиотеки в целом – библиотеки с ее филиалом, как единое целое.

Что представляет собой Отделение? Основные фонды, имеющиеся в Отделении, являются библиотекой иностранной художественной литературы, не только художественной, но и исторической, мемуарной литературы, но в основной массе это художественная литература. Фонды ценнейшие, которые гораздо богаче того, что имеется в этом отношении в центральном здании, и этот фонд является составной частью отделов художественной литературы для иностранного отделения ГПБ. Конечно, ненормальным является их оторванность от остальных фондов, потому что нельзя ожидать, что могут особенно интенсивно работать над художественной литературой, с вкрапленной в нее мемуарной и некоторой исторической литературой. Естественно, что работающих над этой книгой мало и много быть не может.

Что еще имеется там? Имеется небольшая выдачная библиотека, которая была подобрана Публичной библиотекой, когда от нее отказалась массовая сеть библиотек, и это является небольшой библиотечкой только художественной литературы с выдачей на дом, которая никаких особенных перспектив своего развития не имеет. По существу, было бы лучше, если выдача художественной литературы на дом производилась в массовой библиотеке, где наряду с художественной литературой выдается общественно-политическая, и где вокруг этой художественной литературы и литературы общественно-политической и научной развертываются соответствующая массовая работа и мероприятия. Сейчас это довольно жалкая библиотека только выдачи художественной литературы, и не для изучения иностранных языков, а для чтения. Это дело неплохое, но лучше если бы это было в учреждении, которое вокруг этой литературы могло бы развить и значительную работу воспитательного характера, и т. п.

Затем там имеется какой-то придаток в виде переводной литературы. Для меня совершенно неясно, почему переводная литература на русском языке должна быть там. Она используется только в случае, если отдельным читателям потребуются текст и перевод. Вряд ли это оправдывает значительное количество этой литературы, ее обработку, и с точки зрения Библиотеки в целом и ее филиала, это является совершенно посторонним телом.

Тоже самое и в отношении нехудожественной литературы на иностранных языках, издаваемой в Советском Союзе. Я понимаю, что классики марксизма-ленинизма должны быть в каждой библиотеке, но какая работа ведется вокруг той текущей политической и антирелигиозной литературы, которая там имеется? На какого читателя эта литература рассчитана, тоже является непонятным.

Н. П. [Басов] спрашивает, что я предлагаю. Мне кажется, что сейчас пора Гос. Публичной библиотеке задуматься над серьезной работой с основными фондами Отделения. Вся работа Отделения за эти годы шла не над этими основными и не вокруг этих основных фондов. И мне кажется, что нужно приветствовать ту работу, которую Отделение хочет начать и начало над исправлением каталогов, над выявлением материала, который совершенно скрыт в этих каталогах. Эта научная работа Отделением должна быть на себя взята,

потому что получается положение, что Отделение работает не на своих основных фондах, работает на фондах, которые являются неосновными, хотя бы даже по своему количеству. Тот фонд, который на дом не выдается, является несомненно основным фондом Отделения, который соответственно дополняет фонды Гос. Публичной библиотеки, находящиеся в этом здании.

Ю. А. Меженко: Я хочу сказать по поводу связи с КБС [Консультационно-библиографической службой]. Дело в том, что в нашей справочно-библиографической работе сплошь и рядом встречаются темы, которые очень близки с вашими фондами. Это не такие справки, которые мы не документируем, это не устные справки, а это справки, с которых у нас остаются копии, преимущественно, бесплатные запросы. У нас запросы по иностранной художественной литературе за год, во всяком случае, исчисляются сотнями, несмотря на то, что основные фонды художественной литературы не здесь, а в IV Отделении. Мне не совсем понятно, почему у вашего читателя нет таких запросов, на которые нужно было бы ответить письменной справкой, – или очень примитивные запросы, или не совсем достаточный ответ.

До сих пор мы от IV Отделения запросов, чтобы мы им сделали библиографическую работу, не получали, а может быть, мы могли бы прийти на помощь, потому что я думаю, что у нас количество библиографических справочников значительно большее, чем у вас. У вас фонды богаче, а у нас справочников больше и мы можем дать сведения о фондах, которые имеются у вас, и мне кажется, что было бы хорошо, если бы вы проводили с читателями такую работу, чтобы приучить его обращаться за такими справками.

В. А. Маркетти: Все наши читатели, которые могут нуждаться в такой справке, состоят вашими читателями, постоянно пользуются специальным читальным залом и непосредственно обращаются прямо к вам, а не обходными путями через нас. С другой стороны, надо вникнуть в положение вещей. Вы говорите, что фонды богатые. Они действительно богатые, но полны ли они в какой-либо мере? Этого никак сказать нельзя, потому что более ценные книги, более ценные справочники не передаются в IV Отделение. IV Отделение сейчас не имеет новой истории западной литературы, потому что новые книги передаются в основной фонд. Например, выходит новое издание сочинений Бальзака, – вы его найдете здесь и читатель прекрасно знает, что IV Отделение его на 100 % удовлетворить не может, и он без специального читального зала существовать не может. Наш читатель образовался не вчера, а уже лет 12 и этот читатель состоит читателем и здесь, он работает и здесь, и если ему нужен основной труд, то он обращается непосредственно сюда, и поэтому и справки поступают непосредственно к вам, а не через нас, а учащийся в таких сложных справках не нуждается.

Я. Х. Якобсон: Относительно распределения обязательного экземпляра. В IV Отделение передаются все иностранные художественные произведения,

затем переводы на русский язык и массово-политическая литература, кроме той, которая имеет свое специальное отделение, как антирелигиозная. Если там нашли антирелигиозную книгу, то это, наверно, попавшая туда в свое время в порядке массовой работы.

Бывают ли случаи, что то, что выписывает IV Отделение, туда не идет? Такие случаи бывают. Конкретно: если IV Отделение выписывает справочник, то он идет в КБС. Точно также, если наш литературовед дает дезидерат на произведения новых писателей, все равно книга идет в IV Отделение. Если это переиздание классиков, хотя бы за последние годы, то оно пойдет в основной фонд, потому что невозможно старое издание Бальзака держать здесь, а новое передавать туда. По существу, в IV Отделение идет литература XX века, новейшие переводы, кое-что попадает из истории литературы, если это только в незначительной степени охватывает предыдущую эпоху.

Затем вопрос неаккуратного получения периодики. Совершенно верно, как и мы неаккуратно получаем, так и они. Деньги уплачены вперед за год, заказ принят, а на рекламации никакого ответа от Международной книги не получаем.

Теперь перехожу к работе IV Отделения. Я думаю, что работа всех наших отделений показывает, что установки работы каждого отделения для нас неясны – или с самого начала были даны неправильные установки, или они перерастают данные установки. Например, IV Отделение. Раньше это была библиотека научного порядка, затем начали доказывать, что IV Отделение является библиотекой массовой и надо передавать туда и массовую литературу, в свое время хотели передавать и публицистику и т. д.

Тов. Зельцле затронул вопрос, что, кроме художественной литературы, там есть историческая, мемуарная литература. Я этого не знал и считаю, что подобная литература должна быть перераспределена.

Думаю, что в IV Отделении можно будет развернуть работу тогда, когда оно будет объединено с нашей Беллетрой, и только тогда можно будет дать ясную установку. Нельзя давать установку, не считаясь с требованиями читателей.

Кроме того, мне кажется, что разделение на научную и массовую работу библиотеки, – очень старое и неправильное понятие. В каждой части нашей Библиотеки ведется и научная, и массовая работа, и они взаимно дополняют друг друга. Например, выставки. Ведь это вид массовой работы, но в IV Отделении эти выставки должны быть научно проработанные с помощью нашей Массовой группы. Вот вид массовой работы, который там может быть проведен, – например, лекции. Часто в газете читаешь, что в Москву приехал антифашистский писатель, который прочтет лекцию в помещении Библиотеки иностранной литературы. Этот же писатель приезжает и в Ленинград. Почему бы вам не устроить его лекцию у себя? У вас сейчас нет места, но если бы вы такие лекции устраивали, то это привлекло бы часть читателей.

Я считаю, что IV Отделение надо рассматривать, как научную библиотеку, которая должна вести как всякая научная библиотека и массовую рабо-

ту, – отсюда и комплектование этой библиотеки. В эту библиотеку должна пойти вся литературоведческая часть нашей иностранной литературы, и таким образом концентрироваться там работа по литературоведению. Туда может быть передана, хотя бы в порядке длительного абонементы, литературоведческий фонд и Беллетра. Я считаю, мысль соединения фондов Беллетры и IV Отделения при наличии помещения совершенно правильная.

Наконец, последнее. Я думаю, что мы сильно виноваты перед IV Отделением, что, по существу, никакого контакта в работе не имеем – отсюда, конечно, и известная беспомощность. Если бы я бывал чаще на месте и лучше знал их интересы, то может быть, и комплектование ряда материалов было бы более активным. К вам поступает значительный процент иностранной литературы, которая вами не заказывается, и интересно знать, используется ли эта литература.

Говорили, что в дальнейшем можно получить много литературы из [Петропавловской] крепости. Я думаю, что эта литература у вас представлена. Нужно было бы вести пропагандистскую работу среди читателей о передаче своих книг.

Если мы могли иметь более тесный контакт с IV Отделением, то по линии использования КБС многое можно было бы сделать; может быть передача сведений, информации о темах, близких их работе. Тогда читатель видел бы, что в нашем центральном библиографическом аппарате проводится такая работа и он мог бы использовать имеющийся материал или дать поручение по своей теме. Мы не в состоянии дублировать библиографические справочники и, передавая их КБС, в известной степени наносим ущерб IV Отделению и поэтому они могут рассчитывать на поддержку хотя бы в этой области.

М. А. Брискман: Мне кажется, что в связи с фондами Беллетры имеется недоразумение. Фонды Беллетры – абсолютно одинаковые по составу с фондами IV Отделения. Никакого литературоведения там нет. Мне кажется, если объединение будет проведено, то это нельзя рассматривать как основание для изменения установки и работы IV Отделения. Это даст только увеличение фондов, с одной стороны, и освобождение помещения в Главном здании, с другой стороны, и не в этом надо искать выход.

Относительно покупки книг у частных лиц. Нельзя ли организовать такую покупку в Москве? Мне кажется, что дала бы больше результатов покупка и в магазинах, и у частных лиц в Москве.

Н. П. Басов: Большинство как будто говорило, что и в этом Отделении профиль неясен и установки неясны. Я, наоборот, думаю, что это Отделение, не в пример всем нашим филиалам, имеет наиболее ясные задачи и профиль. У меня такое впечатление, может быть, я ошибаюсь. Мне представляется, что и само наименование этой библиотеки вполне отвечает и задачам, стоящим перед этой библиотекой, и тем основным фондам, которые там имеются.

Б. Р. Зельцле говорит, что там имеется антирелигиозная литература, – это неверно. Тут дело не в формальных моментах. Конечно, можно поднять

страшную тревогу и всех перепугать, если найти там 10–15 антирелигиозных книг, – но это политика испуга. Если там застряли 1–2 книги и на основании этого сказать, что в составе этих фондов имеются антирелигиозные фонды, – это неверно. Если они попали туда, их надо выбросить. По-видимому, не надо на мелочи обращать внимания. Если по медицине имеется 15–20 книг, из этого никакого вывода не следует, кроме одного, что эти 15–20 книг туда зря попали.

На сегодняшний день это определенный фонд, может быть плохо сделанный, но это другое дело. Плохо, что оторвана Беллетра? Может быть, и плохо, но надо практически ставить вопрос. Ведь кухня – еще не стеллажи. Принципиально верно соединение их фондов с Беллетрой, но мы проведем это объединение не путем приказа, а для этого надо иметь помещение, учитывая прирост в два раза больше, чем имеем сейчас, и вряд ли кто будет против этого возражать.

Моя беда, что я плохо знаю эту библиотеку, но я определенно знаю, что исторических и антирелигиозных фондов там нет.

Мемуарная литература? Но можно долго спорить, нужна ли эта мемуарная литература или не нужна. Я определенно скажу, когда вы дадите конкретный мемуар, что «да, он должен там быть». Поэтому я не могу ответить на вопрос «Нужна ли мемуарная литература?» в широком понимании этого слова, но скажу, что мемуарная литература должна быть. Дело в том, что мемуарная литература скреплена большими внутренними связями с художественной литературой. Я знаю, что есть художественная мемуарная литература и [она] представляет собой полноценную художественную литературу. Просто отсекал мемуарный фонд я не могу, а весь антирелигиозный фонд я целиком отсеку и ясно, что это не их дело.

Относительно политической литературы. Мы прекрасно понимаем, что у нас не мыслится художественная литература как самодовлеющая ценность. Она, конечно, должна быть политизирована, но эта политизация не должна заключаться в том, чтобы всю массовую политическую литературу накачать туда. Для меня совершенно ясно, что ведущим материалом там, как и в систематическом каталоге техники, должны быть произведения крупных представителей марксистско-ленинской мысли, но если будет мыслиться вся массовая политическая литература, то [сотрудники Отделения] будут заниматься не своим делом. Формальные грани я не найду, но, например, доклад т. Сталина нужен, а другая политическая брошюра не нужна. Тут формальные грани не проведешь, а принципиально ясно, что фонд должен быть политизирован.

Поэтому я думаю, что не надо особенно мудрить, – это есть, прежде всего, библиотека западноевропейской художественной литературы, а детали пойдут дальше. Польский язык – западноевропейский или нет? Поконсультируем и если это западноевропейский, то, по-видимому, художественная литература на польском языке должна помещаться там. А татарская книга? Опять проконсультируем и получим ответ, что это не западноевропейский язык, и следовательно, татарскую книгу там держать не нужно.

Зачем глубоко внедряться в мелочи и путать карты, что это называлось библиотекой всемирной литературы? Никогда эта библиотека не была библиотекой всемирной литературы и в этом наименовании был элемент лозунга. Мы знаем, что там за фонды, и вот почему представляется, что эти фонды, не в пример другим библиотекам, ясны.

Теперь относительно периодики. Каждому человеку иногда разрешается сделать ошибку. Мы, при участии тов. Маркететти, эту ошибку совершили. Если более правые журналы оставили вам, а левые изъяли, то это исправим. Относительно комплектования. Я считаю, что вам нужно с Крепостью крепче связаться. Мы там установили загородку, чтобы не вся литература утекала бы, но все же вам нужно иногда туда заходить и смотреть, чем они располагают, и они охотно вам дадут. Там нужно проявить свой хозяйский глаз, так что это дело очень просто сделать.

Относительно методического руководства работой. Я думаю, что в области обработки книг нашему Отделу обработки не надо замещать своей работой, своими людьми и временем, но какое-то методическое руководство, более систематическое, организовать можно.

С другой стороны, я не сторонник того, чтобы в области выставочной работы все делалось нашим Массовым отделом. Без Массового отдела I Отделением сделана весьма хорошая выставка. Думаю, что [Б. Ю.] Эдельман не обидится, что у него кусок хлеба отнимают, и если сами можете хорошую выставку сделать, ее нужно делать. Если нужна помощь, то Массовый отдел обязан помочь, как сейчас он будет помогать в токарной выставке VI Отделению.

Теперь относительно обработки ваших необработанных фондов. Обработывайте, мы найдем деньги. Сделайте ажур к I/XI. Берите себе по договору посторонних людей. Если своими средствами сделать можете, – пожалуйста. Все дело у вас в стеллажах – вам их надо около 40 пог[онных] метров. Если есть, где их поставить, я думаю, что мы это сделаем. Здесь единственно может быть затруднение с материалом, но все же можно поднажать, пусть это будет не 40 п. м, а 20. Сейчас, когда мы приступили к очень трудной работе, – к переделке Естественного отделения, [для осуществления] которой потребуется значительно больше леса, чем вам, я думаю, что там можно будет кое-что выдернуть для вас.

Относительно проектов перемещения. Вопрос стоит таким образом – все равно когда-нибудь вам отсюда придется уехать или придется вас закрыть. Переместить такую библиотеку, как ваша, не так просто. За это время практически делалось очень много – о конкретных помещениях шли разговоры и шли разговоры в Ленсовете, но нам, к сожалению, не дают дворец Урицкого, и это естественно, что не дают, а дают все что-нибудь антирелигиозное и размещать там фонды нам бывает другой раз трудно. Постоянно, каждодневно разговоры об этом ведутся и дело делается. Был проект размещения I отделения и IV, затем I Отделения с Отделом национальностей. Но для нас совершенно ясно, что сейчас с Отделом национальностей вопрос стоит не так остро; с вами вопрос

стоит чрезвычайно остро, и сейчас нужна вам программа минимум, т. е. использование внутренних ресурсов путем стеллажирования ваших помещений и уничтожения ваших буфетов, а программа максимум, – это, конечно, перемещение оттуда. Это, конечно, вопрос, который решится не сегодня или завтра, а потребует много времени.

Я считаю, что если у вас газеты мало что валяются, но и не используются для читателя, то их надо немедленно вывести, и надо вывести к Я. Х. [Якобсону в Сектор комплектования], потому что его помещение все больше и больше приводится в порядок. Там можно их печатями запечатать и потом с ними вести специальную работу. Не надо создавать такого положения, которым характеризуется беспризорность фондов, как получилось с советскими финскими газетами, когда не найдешь хозяина. Такое же положение может создаться с этими фондами, если их перевести в коридор под лестницей. Надо перевести их в Лавру – это будет гораздо лучше.

Относительно массовой работы. У нас можно по-разному организовать массовую работу – можно устроить «бочку», можно заниматься изучением иностранных языков и т. п. Это все можно делать, но это ни к чему, потому что «бочка» давным-давно осуждена, а что касается занятий иностранными языками, то это не наше дело. Наша массовая работа не должна быть просто массовой работой, а должна быть массовой работой в библиотечном аспекте, и теперешней формой массовой работы библиотеки являются книжные выставки. Если приехал писатель-антифашист, то почему он должен читать лекции у нас, а не в Лектории? Наша ближайшая задача сейчас – пропагандировать библиотеку, завоевать читателя, чтобы люди нас знали. У нас, к сожалению, есть еще такие люди, которые не знают, что существует Государственная Публичная библиотека в целом. Следовательно, не потому мало читателей, что профиль плохой, что выставок мало делаете, а главным образом потому, что вас не знают. Через рекламу, хорошую советскую рекламу, через печать, через беседы с товарищами, которые могут в этом отношении помочь, через Дома Культуры, – вас могут узнать.

Надо сейчас основной упор сделать на пропаганду библиотеки, чтобы люди в Ленинграде знали, что существует IV Отделение, что там они могут получить Мопассана. Это основная задача в борьбе за читателя; если мы исправим список, который испортили, я думаю, что это известным образом укрепит вашу газетно-журнальную базу для вашего читателя. А основное – это борьба за читателя.

Вы не должны ограничивать себя каким-то фондом, куда приходят крупные специалисты, работающие над узкими вопросами, над каким-то веком французской литературы, и сидят и сидят у вас. Пусть сидят, если к вам придут, но думаю, что к вам не придут – но у вас должна быть так серьезно поставлена справочно-библиографическая работа, чтобы каждый человек, который начал изучать иностранные языки, получил не только книгу, но получил углубленную, с использованием научного материала, помощь. Тогда вы будете массово-научной библиотекой, т. е. будете советской библиотекой. Если к вам

приходит человек и интересуется, насколько хорошо сделан перевод или ему трудно понять текст, то надо оказать ему помощь консультационную в пользовании книги. Может быть, даже для таких случаев надо организовать языковую консультацию.

Я не знаю – широко ли вы развили абонемент для выдачи на дом – надо его широко развить.

Последнее – необходимо широчайшим образом пользоваться межбиблиотечным абонементом. Если к вам пришел читатель, по запросу углубленного порядка, а начал с мелочи, то не посылайте его за книгой в Публичную библиотеку, а выпишите ему книгу. Таким образом, вы отсеете известное количество людей из специального читального зала и привлечете к себе людей.

Вот основное – межбиблиотечный абонемент, развитие серьезных справочно-библиографических работ с использованием КБС и максимальное оказание помощи у себя на месте без отсылки в Публичную библиотеку и тем более – в другие библиотеки.

Стенограмма совещания при директоре ГПБ от 9 апреля 1937 г. // ОАД РНБ. Ф. 12. Т. 932. Л. 1–30.